

щены просто к «латинянам», помещаются отдельной группой впереди написанных в связи с приездом миланского предстоятеля сочинений¹. Свою беседу с этим последним Евстратий сам противопоставляет собственным прежним встречам с теми западными христианами, общение с которыми побудило его к созданию двух произведений об исхождении Св. Духа: «Прежде (*πρόην μὲν*) нами изготовлены были два писания... Поскольку же ныне (*ἐπεὶ δὲ νῦν*) некто другой из этого языка противостал нам..., как говоря в подтверждение своего [воззрения] что-то из сказанного прежде встретившимися нам, так и добавляя нечто другое...»². Наконец, еще один собеседник Гроссолана, монах Иоанн Фурн, в своей «Апологии» призывает того поверить, что бывшая между ними встреча оказалась несравнимо полезнее путешествия в Иерусалим³; подобное заявление имело бы смысл как раз в том случае, если миланский архиепископ оказался в Константинополе на обратном пути из Св. Земли, а не в составе отправленного из Италии посольства. Таким образом, первоначальных собеседников Евстратия Никейского надо считать послами папы Пасхалия II, прибывшими в Константинополь еще до появления там Гроссолана, а сообщение о спутниках последнего в иерусалимской рукописи – либо следствием взаимного наложения двух очень близких по времени и, возможно, отчасти совпавших событий, либо указанием на действительно сопровождавших архиепископа лиц, причем сан некоторых из них был по ошибке завышен.

Ю. Г. Соколов

Волгоград

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В НИКЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Судьба Церкви в период существования Никейской империи представляет собой одну из интереснейших страниц в истории православия. После захвата Константинополя в 1204 г. крестоносцами сложилась уникальная ситуация, не имевшая прецедентов в прошлом Византии. Впервые патриарх и император были вынуждены жить за пределами столицы, что шло вразрез с многовековыми традициями и вынуждало их вырабатывать

¹ См., например, Mosq. gr. 240 (XIII в.) или Mosq. gr. 239 (XIV в.).

² *Ἐκκλησιαστικὴ βιβλιοθήκη*, σ. 84–85.

³ *Ibid.*, σ. 47.

новые основания для своей легитимности. В первую очередь им надо было доказать, что они являются правомочными преемниками Византии времен правления в ней династии Ангелов. Ведь Никейская империя была не единственным государством, которое претендовало на роль наследника державы ромеев.

К истории Церкви в Никейской империи, несмотря на скудность дошедших до нас сведений, обращался в той или иной степени целый ряд историков. Однако и на сегодняшний день, на наш взгляд, есть немало вопросов, требующих самого пристального рассмотрения. Цель данной работы – выяснить, насколько этот период в истории православия изучен, и отметить основные перспективы исследования в данной области.

Первое, что привлекает внимание историков – это сам процесс переноса института патриаршества в Никейскую империю. Известно, что константинопольский патриарх Иоанн X Каматир отказался переезжать в Никею и признавать претензии на власть находившегося там Феодора Ласкаря¹. Однако после смерти Иоанна X именно к Феодору Ласкарию обратилось высшее духовенство из захваченного латинянами Константинополя с просьбой созвать церковный собор для выборов нового патриарха. При этом иерархи (конкретным автором послания был Николай Месарит) назвали Феодора императором ромеев и призвали воспользоваться его законными правами и провести выборы патриарха в соответствии с канонами и традицией². Феодор в ответ повелел всем священнослужителям собраться в Никее для участия в выборах³. Но двусмысленность положения Ф. Ласкаря заключалась в том, что никаких законных прав на тот момент у него не было. Хотя сторонники провозгласили его императором еще в 1205 г., Феодор не был до 1208 г. коронован патриархом, а, следовательно, не имел преимущественных прав на престол по сравнению со своими соперниками (а их на тот момент было несколько). Поэтому, когда в конце 1207 г. константинопольские церковные иерархи обратились к нему с предложением про-

¹ Р. Гийан полагает, что это было связано с тем, что патриарх находился в родственных отношениях с конкурентом Феодора Ласкаря на престол: *Guiland R. Histoire de l'Empire Byzantin de 1081 à 1453*. P., 1945. P. 144.

² *Heisenberg A. Neue Quellen zur Geschichte des Lateinischen Kaisertums und Kirchenunion. II: Die Unionsverhandlungen von 30 August 1206. Patriarchenwahl und Kaiserkrönung in Nikaia 1208 // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-philol. und hist. Klasse. 1923. № 2. S. 25–29.*

³ *Ibid.* S. 35.

вести выборы нового патриарха, они признали de facto те права Феодора, которых de iure у него не было. Почему они приняли такое решение – вопрос чрезвычайно интересный и не проясненный до сих пор. Тем более, что, как указывает А. Карпозилос, эти же священнослужители в 1205–1206 гг. вели активные, хотя и неудачные, переговоры об унии с латинянами, под светской властью которых они находились¹. Также не совсем ясно, как было решено, что резиденция нового патриарха Михаила IV Авториана будет находиться в Никее, а не Константинополе. В историографии эти вопросы уже поднимались², но не на все из них были даны удовлетворительные ответы.

Еще один существенный аспект истории Церкви в этот период был непосредственно связан с переносом патриаршества в Никею. Дело в том, что претензии никейских императоров и патриархов на единственно легитимное наследование аналогичным институтам Константинополя вызывали неоднозначное отношение на территории бывшей Византийской империи. Далеко не все православные властители соглашались подчиниться династии Ласкарей, пусть и освященной патриархами. Основными конкурентами Никее в борьбе за влияние в православном мире были Болгария, Эпирский деспотат и Трапезундская империя. Правители этих территорий в целях усиления своей власти всячески подталкивали местных церковных иерархов к самостоятельности в отношении патриарха. Ибо то, что Никея стала духовным центром, несомненно, придавало ей и политический вес. Так, Болгария, абсолютно самостоятельная политически, в религиозном отношении с начала XIII в. управлялась собственным, хотя и не признанным патриархом в Тырново и подчиненным духовенству Эпира архиепископом Охридским. А в результате политических переговоров она сумела добиться в 1235 г. официального признания независимой болгарской патриархии³. Трапезундская империя просто порвала все религиозные контакты с никейским патриархом. Например, нам известно, что ее правитель Давид Комнин приказал избить плетью и отослал обратно присланного из

¹ *Karpozilos A. D. The ecclesiastical controversy between the Kingdom of Nicaea and the Principality of Epiros (1217–1233). Θεσσαλονίκη, 1973. P. 20–21.*

² *Guilland R. Histoire de l'Empire... P. 144–145; Hussey J. M. The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1991. P. 207.*

³ *Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. V. I. S. 50. Существует научный перевод данного источника на русский язык: Георгий Акрополит. История / Пер., вступ. ст., комм. и прил. П. И. Жаворонкова. СПб., 2005.*

Никеи архиеерея, так как не желал, чтобы в его владении епископ был назначен другой властью¹.

Наиболее исследован в настоящее время церковный конфликт между Никейской империей и Эпирским деспотатом. Поводом к началу конфликта послужило то, что несколько эпирских митрополитов и епископов были рукоположены без одобрения патриарха Мануила I Сарантина. В этом патриарх усмотрел ущемление своей власти и возможный повод к церковному расколу. В ответ лидер эпирского духовенства митрополит Навпакта Иоанн Апокавк заявил, что так как нет больше ни императора, ни города (Константинополя) и за грехи ромеев паства патриарха разбросана по разным сторонам и подчиняется разным властям, а эти власти соперничают между собой и желают сами назначать своих архиеереев, то вполне естественно, если эти архиеереи будут рукополагаться на местах. Тем более, что путь до Никеи тяжел и опасен, а эпирский правитель Феодор Дука, по мнению Иоанна, был явно избран Богом, чтобы защитить православный народ в западных провинциях бывшей Византии².

Этот церковный спор, без сомнения, имел серьезную политическую подоплеку, ибо свидетельствовал о стремлении Феодора Дуки выступить полноправным претендентом на византийский престол (что подтверждается фактом его коронации императором в 1227 г. архиепископом Охридским), а также о поддержке эпирским духовенством этого стремления. А. Карпозилос полагает, что попытки Феодора установить автономию Церкви в Эпире являлись только частью его грандиозного плана стать освободителем Константинополя, а поддержка духовенства была вызвана как традицией политических отношений между Церковью и государством, так и верой иерархов в богоизбранность их светского лидера и отсутствием высокого авторитета патриарха в Никее³. Впрочем, после разгрома войск Феодора Дуки болгарскими силами в битве при Клокотнице в 1230 г. политические и церковные амбиции Эпира сошли на нет.

Что касается историографической разработки данной темы, то, несмотря на то, что вышеизложенные обстоятельства относительно неплохо известны, характер взаимоотношений патриархата с различными архиепископствами, епископствами и митрополиями как в пределах Никейской

¹ *Васильевский В. Г. Epirotica saeculi XIII. Из переписки Иоанна Навпактского // Византийский временник. 1896. Т. 3. С. 275.*

² Там же. С. 270–277.

³ *Karpoulos A. D. The ecclesiastical controversy... P. 48, 97.*

империи, так и за ее границами остается весьма перспективным направлением исследований.

Еще одной значимой темой для научных изысканий являются взаимоотношения православной и католической Церквей в это время. Довольно прохладные и до захвата Константинополя, в XIII в. они складывались весьма непросто и прошли через несколько противоречивых этапов. Однако надо отметить, что каждый из никейских императоров вел активные переговоры с Римом и, в основном, по вопросу о церковной унии. Дело в том, что церковная самостоятельность греков была ставкой в крупной политической игре. Позиция василевсов в каждом конкретном случае определялась их собственной военной силой или слабостью, предполагаемой возможностью вернуть в результате унии Константинополь или тем, насколько они нуждались в помощи папы в борьбе со своими врагами. Римские первосвященники сначала были заинтересованы в поддержке, которую могла оказать Никейская империя в борьбе с исламом, а затем, когда стало ясно, что Латинская империя, основанная крестоносцами, недолговечна, в удержании хоть каких-то позиций в регионе. Кроме того, никейский император Иоанн III Дука Ватац (1221–1254) заключил союз с крупнейшим врагом папства Фридрихом II Гогенштауфеном, чему Рим пытался активно противодействовать. Иногда инициатором переговоров выступала папская курия, как, например, в 1214 г., когда был прислан папский легат Пелагий, сумевший только ожесточить греческое духовенство¹; иногда – никейские василевсы. Так, в 1219–1220 гг. Феодор I Ласкарь предпринял попытку собрать собор всех крупнейших православных иерархов с целью обсудить вопрос об унии². А в 1249 г. Иоанн III Дука Ватац для обсуждения этого же вопроса отправил послов к папе Иннокентию IV³. Впрочем, готовность идти на компромиссы у обеих сторон была невелика, и по тем или иным причинам все переговоры зашли в тупик. Этот аспект истории двух Церквей известен сравнительно неплохо⁴ (хотя вопрос о позиции греческого духовенства и патриархов в отношении унии нуждается в дальнейшем изучении). На-

¹ *Georgii Acropolitae Opera...* S. 29.

² *Васильевский В. Г. Epirotika...* С. 266.

³ *Dölger Fr. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453. Teil 3. Regesten von 1204–1282 / Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage bearbeitet von P. Wirth. München, 1977. S. 21. № 1795.*

⁴ См., например: *Guiland R. Histoire de l'Empire...* P. 152–168; *Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. 3. М.: JL., 1948. С. 550–574; Hussey J. M. The Orthodox Church...* P. 211–219.

много меньше мы знаем о борьбе католичества и православия за влияние на территории бывшей Византии. О том, что эта борьба была, свидетельствует, в частности, послание патриарха Германа II жителям острова Кипр, в котором он предписывает не уступать латинянам ни в вопросах богослужения, ни в исполнении традиций (не подавать им руки, ибо это чуждо ромеям). Однако в том, что касалось светского управления, население должно было подчиниться иноземцам¹. В целом же тема еще ждет своего исследователя.

И, наконец, одной из центральных проблем истории этого периода является проблема взаимоотношений Церкви и государства. Она распадается на ряд отдельных вопросов. Во-первых, становление и развитие в Никее институтов светской и духовной властей шло рука об руку, во многом при взаимной поддержке. Однако возникает вопрос, насколько их интересы были тождественны. Не секрет, что императоры нуждались в поддержке Церкви; собственно, главным основанием для их исключительных притязаний на византийский престол было то, что они короновались патриархами. Но также очевидно и то, что императоры старались использовать влияние Церкви в своих интересах. Это заметно и в конфликте с Эпирским деспотатом, и в вопросе об унии с Римом. Как заключил историк того времени Георгий Акрополит: «правители хотят, чтобы патриархами были люди смиренные и посредственные по уму, которые легко уступают их желаниям...»². Также неясно, насколько обширны были права никейских василевсов вмешиваться в церковные дела. Практически неизвестно и то, какую роль играла Церковь в общественной и политической жизни империи. Единственный более или менее полный очерк о взаимоотношениях Церкви и государства в Никее принадлежит М. Энгольду³, однако и он не затрагивает все выше поставленные вопросы.

Во-вторых, отношения Церкви и государства – это еще и отношения отдельных личностей. И если об императорах мы знаем не так уж мало, то о патриархах совсем немного. Возможно, это связано, как указывает А. П. Лебедев, со скудостью дошедших до нас источников⁴. Однако верно

¹ *Patrologia cursus completus. Series graeca* / Ed. J.-P. Migne. P., 1864. T. 140. P. 613.

² *Georgii Acropolitae Opera...* S. 106.

³ *Angold M. A Byzantine government in exile. Government and society under the Laskarids of Nicaea (1204–1261)*. L., 1975. P. 46–59.

⁴ *Лебедев А. П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV в.: от начала Крестовых походов до падения Константинополя в 1453 г.* СПб., 1998. С. 152.

и то, что, за исключением нескольких греческих работ¹ и монографии И. Е. Троицкого², эта тема изучена чрезвычайно мало.

Таким образом, мы наметили в истории Церкви Никейской империи ряд перспективных тем для исследования, из которых некоторые представляются наиболее актуальными. Речь идет прежде всего о вопросах, связанных с особенностями становления и развития Церкви на новом месте, в Никее, ее контактах с инославием, с влиянием на эти процессы василевсов и с обратным влиянием Церкви на общественную и политическую жизнь империи. Также небесполезно было бы продолжить изучение личностей никейских патриархов. При всех недостатках источниковой базы постановка данных вопросов, по нашему мнению, вполне обоснована, а их исследование перспективно.

В. А. Золотовский

Волгоград

ХРИСТОЛЮБИВОЕ ВОИНСТВО. МЕТОДЫ РЕЛИГИОЗНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВИЗАНТИЙСКУЮ АРМИЮ В КОНЦЕ XIII в.

Процесс денационализации византийской армии палеологовского периода, как следствие становления новой системы общественных отношений, экономического кризиса и модификации национального самосознания, привел к абсолютному и вполне объективному пренебрежению нормами военно-уголовного права, а также дисциплинарными взысканиями, адресованными собственно национальным византийским вооруженным силам. В этой связи встает вопрос: сохранились ли в палеологовское время методы религиозного и морального воздействия на войско, столь хорошо известные по источникам более раннего времени?³

Разумеется, оставшаяся военная система требовала применения действенных инструментов, направленных на организацию ее полноценного функционирования. Одним из таких средств, способствующих формирова-

¹ Παλαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Θεόδωρος Είρηνηκός πατριάρχης οικουμενικός ἐν Νικαίᾳ // Byzantinische Zeitschrift. 1901. Т. 10. S. 182–192; Λαυρόπουλος Σ. Ν. Γερμανός ὁ Β΄ πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως καὶ Νικαίας (1222–1240). Βίος, συγγράμματα καὶ διδασκαλία αὐτοῦ. Ἐν Τρίπολει, 1914.

² Троицкий И. Е. Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и Арсениы (к истории Восточной церкви в XIII в.). СПб., 1873.

³ Кучма В. В. Религиозный аспект византийской военной доктрины: истоки и эволюция // Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 69–84.